

Небольшая бамбуковая хижина снаружи выглядела весьма убого и тесно, но внутри оказалась куда интереснее.

Войдя, Чжоу Цзылан обнаружил, что убранство комнат весьма изысканно.

Проще говоря, выглядело всё очень дорого и солидно.

Из курильницы вился тонкий дымок, наполняя комнату приятным, умиротворяющим ароматом. Даже Чжоу Цзылан, который терпеть не мог всякие благовония, почувствовал, как запах смягчает его раздражение. К тому же мебель и предметы интерьера явно стоили немалых денег — в глазах Чжоу Цзылана всё это превращалось в звонкую монету.

Он принялся всё ощупывать, и это чувство прикосновения к богатству развеяло тоску, вернув ему хоть какое-то ощущение безопасности.

Наконец он собрался раздеться и принять ванну.

Однако он не знал, как распутывать завязки на древней одежде, да и наряд его был в лохмотьях, так что разобратся, где что, оказалось непросто.

Чжоу Цзылан разозлился, дернул ткань и с характерным треском просто разорвал её.

Звук рвущейся материи совпал со скрипом открывающейся двери.

Чжоу Цзылан машинально обернулся и встретился взглядом с Шан Сюанем, который вошел в комнату с ведром воды. Оба в изумлении застыли.

В этот момент Чжоу Цзылану хотелось лишь одного: чтобы эта внезапная тишина не была такой оглушительной.

В тот самый миг, когда дверь распахнулась, Шан Сюань увидел, как его учитель грубо рвет на себе одежду.

Взору юноши открылось немало интересного: на учителе оставались лишь нижние штаны, а под ними скрывалось хоть и худощавое, но на удивление мощное тело. Без преувеличения, это был настоящий атлант — Шан Сюань знал это по собственному опыту, иначе Ланьюэ Сяньцзунь не стал бы сильнейшим мастером континента Цинлуань за последние тысячи лет.

Глаза Шан Сюаня на мгновение блеснули, он быстро опустил взгляд, поставил ведро и послушно принял испуганный вид:

— Ученик виноват, прошу Учителя о наказании!

Чжоу Цзылан, воспользовавшись моментом, поспешно накинул на плечи сменную одежду, найденную в шкафу, кое-как прикрылся и, слегка кашлянув, произнес:

— Ничего, входи.

Шан Сюань, стоявший с опущенной головой, едва заметно нахмурился.

Прежний Ланьюэ никогда не позволял никому входить в свои покои, даже ему, единственному ученику. К тому же характер у наставника был крайне скверный. В подобной ситуации, если бы он вот так вломился и увидел учителя полуголым, его бы немедленно вышвырнули из хижины, заставив стоять на коленях и выслушивать проклятия.

Но сегодня Ланьюэ не только разрешил ему принести воду, но и, даже попав в такую неловкую ситуацию, не разозлился, а тон его был... вполне сносным?

Неужели он внезапно переменился?

Шан Сюань прищурился, снова подхватил ведро и медленно прошел вглубь хижины.

Ванная стояла за ширмой. Шан Сюань зашел туда, вылил воду и украдкой покосился в сторону.

Сквозь резную перегородку он смутно видел, как движется стройная фигура.

Почему-то в голове Шан Сюаня неотвратимо всплыли слова о том, что зрелище это весьма соблазнительно.

В тот же миг ведро в его руках с грохотом упало на пол, отвлекая его и разгоняя странные мысли. Хотя ведро было небольшим, оно было тяжелым и вместительным. Вода пролилась, но в ванне её уже было достаточно.

— Что случилось? — донесся из-за ширмы озадаченный голос Чжоу Цзылана.

Шан Сюань поднял ведро и ответил:

— Ученик не удержал ведро, прошу прощения, Учитель, не гневайтесь.

Чжоу Цзылан замер.

Он ведь еще даже слова не сказал, а тот уже просит прощения? Неужели главный герой в начале пути настолько мастерски умеет падать на колени?

Глядя на силуэт за ширмой, Чжоу Цзылан покосился на чайник, стоявший на столе.

Куй железо, пока горячо!

Надо отравить этого маленького мерзавца!

Решив действовать без колебаний, Чжоу Цзылан подошел к столу, налил чашку воды и, достав из рукава маленький фарфоровый пузырек, высыпал в неё порошок. У прежнего Ланьюэ было полно всяких склянок, и пара ядов среди них наверняка найдется. Что это за отравка, он не знал — на этикетке ничего не было, но раз уж это вещь Ланьюэ, эффект точно будет что надо.

Наблюдая, как порошок растворяется в чае, Чжоу Цзылан довольно улыбнулся. Он обернулся к ширме, открыл рот, чтобы что-то сказать, и вдруг увидел, что стройная фигура уже стоит совсем рядом.

Зрачки Чжоу Цзылана сузились, сердце едва не остановилось.

Да чтоб тебя, когда этот мелкий гаденыш успел подойти?! Неужели он видел, как я подсыпал яд?

В душе Чжоу Цзылана бушевал шторм, но лицо оставалось невозмутимым. Он слегка кивнул:

— Уронил ведро — ничего страшного, подними. Подойди, выпей чаю.

Шан Сюань с опущенной головой тихо ответил и быстро оказался перед ним.

Чжоу Цзылан сидел у стола в накинутой на плечи нижней рубаше, завязанной наспех. Раньше, у двери, Шан Сюань не обратил внимания, но теперь, подойдя ближе, он увидел, что вырез рубашки открывает кожу, особенно выделяя соблазнительные ключицы.

Взгляд Шан Сюаня на секунду задержался на них, но он быстро отвел глаза.

Прежде чем он успел заговорить, Чжоу Цзылан протянул ему чашку:

— Ты устал. Слышал, жизнь у подножия горы была нелегкой, подумал, что ты плохо спишь, и добавил в чай немного успокаивающего. Выпей и иди отдыхай.

Неважно, видел ли Шан Сюань что-то, Чжоу Цзылан решил подстраховаться и на ходу сочинил

оправдание.

Взгляд Шан Сюаня дрогнул.

Он поднял глаза на человека перед собой. Тот по-прежнему выглядел холодным и высокомерным, голос звучал чисто и отстраненно, но связать этот образ с мерзавцем из его воспоминаний было трудно.

Мерзавец никогда не говорил ему о том, что он устал, и никогда не предлагал чай. Даже когда он собирался обманом вырвать у него духовный корень, он никогда не притворялся добрым, а просто находил повод запереть его в темнице.

Он никогда не достаивал Шан Сюаня даже мимолетного доброго взгляда. Даже если он наказывал обидчиков в секте, то делал это лишь из ярости, что те посмели повредить духовный корень его ученика.

Глаза Шан Сюаня постепенно потемнели.

Чжоу Цзылан, казалось, ничего не заметил и протянул чашку еще ближе:

— Что такое? Ты не хочешь пить чай, который дал тебе учитель? Или предпочитаешь налить себе сам?

Он ляпнул это просто так. В конце концов, судя по тому, насколько сильно Шан Сюань в начале сюжета зависел от него — то есть, от Ланьюэ, — он точно не должен был отказываться.

Но в следующую секунду Шан Сюань робко поднял на него глаза, и в их черноте отразилось лицо учителя:

— Ученик может налить себе сам?

Чжоу Цзылан мысленно выругался. Почему этот парень перестал играть по сценарию?

Но слова уже были сказаны, отказываться было поздно, и пришлось кивнуть. Хорошо хоть, он сохранил образ Ланьюэ и не расплылся в фальшивой улыбке, от которой ребенка стошнило бы, иначе это выглядело бы совсем нелепо. Хотя и сейчас его лицо было перепачкано, так что образ был тот еще.

Поставив чашку, Чжоу Цзылан встал и направился за ширму. Ничего, не получилось отравить сейчас, получится в следующий раз!

В этот момент за спиной раздался голос Шан Сюаня:

— Учитель.

Юноша быстро подошел к нему, держа в руках две чашки, и одну протянул Чжоу Цзылану:

— Учитель налил чаю для меня, будет справедливо, если и я налью чаю для Учителя. Позвольте?

<http://bllate.org/book/18914/1849445>